This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

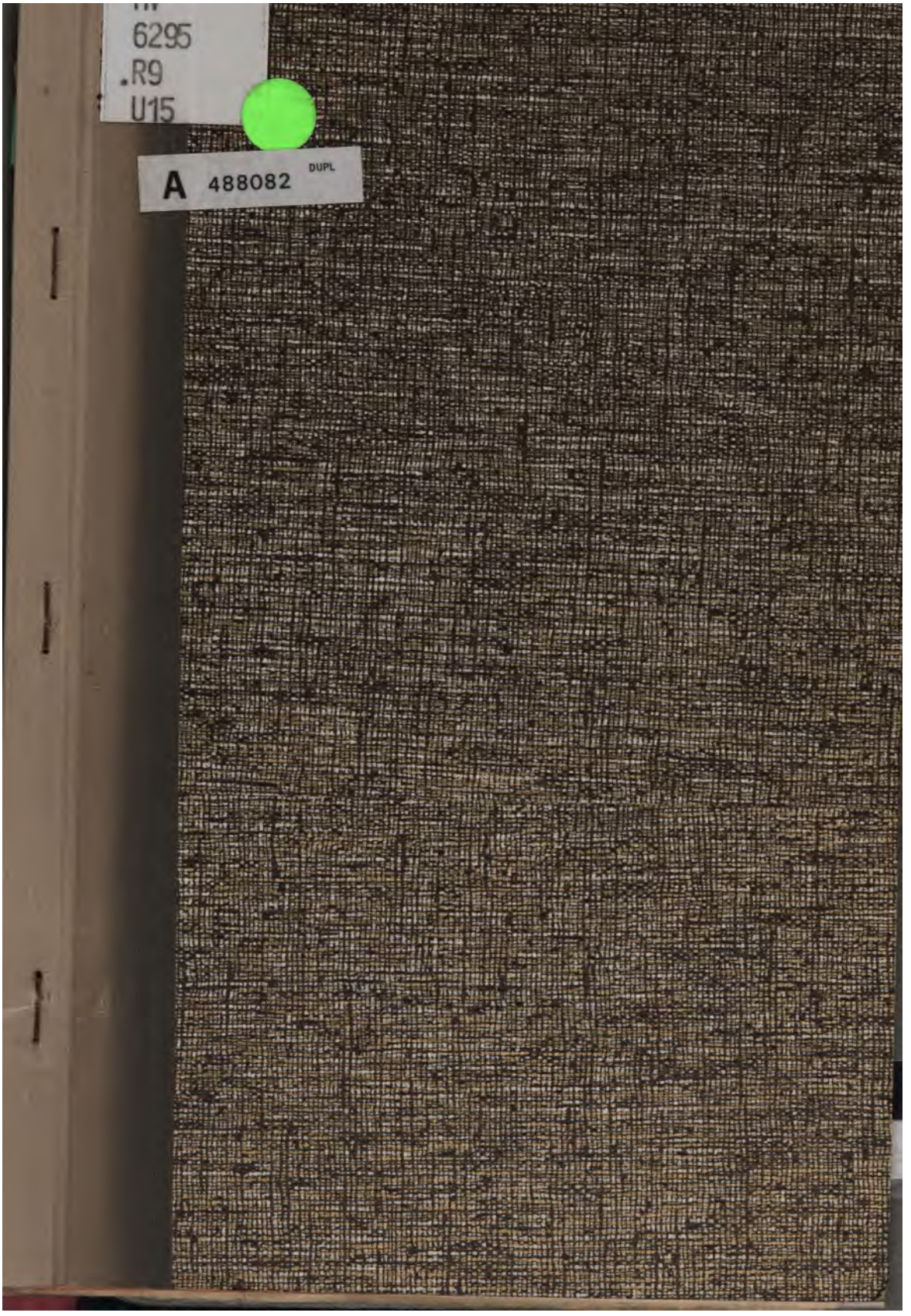
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

6295
.R9
U15

A 488082 DUPL



UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES

НОВАЯ ПРАВДА.

КНИГА ВТОРАЯ.

УБІЙСТВО

...-хъ Министровъ.

...ного Совѣтника Богольпова, Егермейстера Сипягина,
Статсъ-секретаря фонъ-Плеве.

1901—1904 г.г.

Изданіе Н. БАЛАШОВА.

1906.

28003
y

НОВАЯ ПРАВДА.

КНИГА ВТОРАЯ.

Ubiĭstvo 3-kh [i.e. trekh] ministrov

УБІЙСТВО

3-ХЪ МИНИСТРОВЪ.

Изданіе И. БАЛАШОВА.

1906.

HV
6295
.R9
U15

Тип. Монтвида, уг. Конной ул. и Телѣжнаго пер., д. № 3—5.

Київ
-15-78
968-293

Убійство Министра Народнаго Просвѣщенія, тайнаго совѣтника Н. П. Боголѣпова.

14-го февраля 1901 г., около половины второго часа дня, въ пріемную комнату Министра Народнаго Просвѣщенія, въ зданіи Министерства, близъ Чернышева моста, въ числѣ другихъ лицъ, явился молодой человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи мѣщаниномъ города Гомеля *Петромъ Владиміровымъ Карповичемъ*, 26-ти лѣтъ, и съ прошеніемъ въ рукахъ сталъ ожидать выхода Министра.

Когда тайный совѣтникъ *Боголѣповъ* вышелъ изъ своего служебнаго кабинета въ пріемную и, обходя представлявшихся ему должностныхъ лицъ и просителей, подошелъ къ городскому головѣ г. Чернигова *Рудину*, стоявшему рядомъ съ *Карповичемъ*, *то послѣдній на разстояніи не болѣе двухъ-трехъ шаговъ произвелъ выстрѣлъ изъ револьвера въ Министра и ранилъ его въ правую сторону шеи.*

Отъ нанесенной раны тайный совѣтникъ Боголѣповъ упалъ. Злоумышленникъ былъ схваченъ за руку дежурнымъ чиновникомъ, причемъ выронилъ изъ рукъ револьверъ и не сопротивляясь задержанію сказалъ: „теперь я не опасенъ“. Тотчасъ же тайному совѣтнику Боголѣпову была оказана врачебная помощь, находившимся въ пріемной Министра, докторомъ медицины *Соловьевымъ*, который констатировалъ, что пуля

засѣла въ тѣлѣ, такъ-какъ выходного отверстія обнаружено не было. Немедленно на мѣсто происшествія прибылъ Министръ Юстиціи Статсъ-Секретарь *Муравьевъ*, Прокуроръ С.-Петербургской Судебной Палаты *Максимовичъ*, Прокуроръ С.-Петербургскаго Окружного Суда *Лопухинъ* и Судебный Слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ *Кузминъ*, приступившій подъ наблюденіемъ Прокурорскаго надзора къ производству предварительнаго слѣдствія.

При задержанномъ Карповичѣ найдены были: 1) Свидѣтельство Императорскаго Московскаго университета отъ 27-го Ноября 1896 г. на имя бывшаго студента перваго семестра физико-математическаго факультета, отдѣленія естественныхъ наукъ, мѣщанина Петра Владимірова Карповича, объ увольненіи его изъ вѣдомства Московскаго университета на основаніи § 31 правилъ для студентовъ. 2) Матрикулъ Императорскаго Юрьевскаго университета отъ 10-го октября 1896 г. о принятіи того же Карповича въ число студентовъ по медицинскому факультету, 3) Плацкарта на одно мѣсто въ поѣздѣ, слѣдовавшемъ 23-го февраля (новый стиль) 1901 г. изъ Берлина въ Эйткуненъ и 4) Прошеніе на имя Министра Народнаго Просвѣщенія бывшаго студента Юрьевскаго университета Петра Владимірова Карповича о разрѣшеніи держать конкурсное испытаніе въ августѣ 1901 г. въ С.-Петербурскомъ Технологическомъ институтѣ.

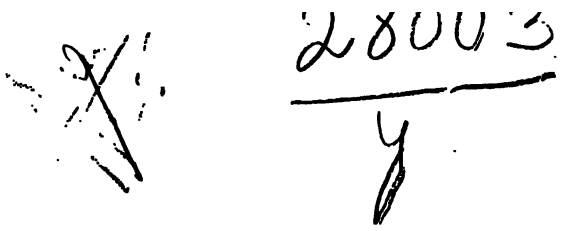
Револьверъ пятиствольный безкурковый, изъ котораго произведенъ былъ выстрѣлъ, заряженъ былъ всѣми пятью патронами. Только въ одномъ зарядѣ оказался выпущеннымъ.

Собранными о Карповичѣ свѣдѣніями установлено было что онъ уроженецъ Новозыбковскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Родился въ 1874 г. По окончаніи курса въ Слуцкой гимназіи поступилъ въ число сту-

дентовъ Московскаго университета. Въ ноябрѣ 1896 г., по постановленію особаго совѣщанія, въ качествѣ организатора манифестаціи, устроенной въ Москвѣ учащеюся молодежью, по поводу полугодового дня Ходынской катастрофы, исключенъ изъ числа студентовъ университета и высланъ подъ гласный надзоръ полиціи на родину въ Черниговскую губернію на полтора года, а затѣмъ по истеченіи этого срока въ іюлѣ 1898 г. подчиненъ былъ негласному наблюденію съ воспрещеніемъ жительства въ столицѣ. Въ сентябрѣ этого же года, въ виду удостовѣренія начальства Черниговской губерніи о хорошемъ его поведеніи, ему было разрѣшено поступить въ одинъ изъ провинціальныхъ университетовъ. Поступивъ въ томъ же году въ Императорскій Юрьевскій университетъ, Карповичъ въ 1899 г., послѣ студенческихъ безпорядковъ, происходившихъ въ Юрьевѣ весною 1899 г., былъ уволенъ изъ университета учебнымъ начальствомъ, какъ одинъ изъ руководителей тайной организаціи агитировавшей среди студентовъ, присвоившей себѣ наименованіе „Союзный совѣтъ Дерптскихъ объединенныхъ землячествъ и организацій“, въ которомъ состоялъ секретаремъ. По исключеніи изъ университета онъ былъ подчиненъ негласному надзору полиціи и 28-го ноября того же года выѣхалъ заграницу. Прибылъ Карповичъ въ С.-Петербургъ 12-го февраля 1901 г. и остановился въ меблированныхъ комнатахъ.

14-го февраля 1901 г. Судебнымъ Слѣдователемъ *Кузминымъ* въ помѣщеніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ присутствіи Министра Юстиціи, Прокурора Судебной Палаты и Прокурора Окружного Суда снятъ былъ первый протоколъ допроса съ Карповича, съ соблюденіемъ 403-ой ст. Устав. Уголовн. Судопр.

Подтвердивъ свое происхожденіе, Карповичъ, между прочимъ, показалъ, „что онъ жилъ на свои средства,



28003
y

НОВАЯ ПРАВДА.

КНИГА ВТОРАЯ.

Ubiistvo 3-[illegible] t.e. treckh 7 ministrov

УБІЙСТВО

3-хъ МИНИСТРОВЪ.

Изданіе И. БАЛАШОВА.

1906.

а не въ воздухъ, я прекрасно сознавалъ, что я подвергаю его жизнь самой серьезной „опасности“.

„Въ пріемной Министра, гдѣ уже начался пріемъ, когда я пришелъ, я сталъ налѣво отъ входной двери рядомъ съ какимъ то плотнымъ господиномъ съ цѣпью на шеѣ и началъ ожидать, чтобы Министръ приблизился ко мнѣ и занялъ бы такое положеніе, при которомъ я, стрѣляя въ него, не рисковалъ бы причинить кому-либо постороннему вредъ. Съ господиномъ въ цѣпи Министръ объяснялся довольно долго, причемъ этотъ проситель, выступивъ нѣсколько впередъ, заслонилъ меня до половины. Когда, наконецъ, кончая свои объясненія, Министръ подалъ этому просителю руку и нѣсколько отошелъ или вѣрнѣе подвинулся отъ него, я выстрѣлилъ въ Министра. Министръ упалъ, а я бросилъ на полъ револьверъ и прошеніе и далъ себя арестовать“.

На дознаніи, возбужденномъ въ порядкѣ 1035 ст. Уст. Угол. Суд. С.-Петербургскимъ жандармскимъ управленіемъ, Карповичъ показалъ тоже, что у Слѣдователя, дополнивъ, что револьверъ и патроны куплены имъ въ Кенигсбергѣ въ неизвѣстномъ ему магазинѣ, находящемся недалеко отъ вокзала, во время остановки въ этомъ городѣ поѣзда, съ которымъ онъ ѣхалъ изъ Берлина въ Петербургъ. Покушеніе совершено имъ по собственному его рѣшенію безъ вѣдома и участія другихъ лицъ. Револьверъ провезенъ имъ изъ заграницы лишь благодаря тому, что онъ подвязалъ его вокругъ таліи подъ жилетомъ и брюками двумя носовыми платками, вслѣдствіе чего онъ и остался необнаруженнымъ. Осмотръ вещей въ Вержболовской таможнѣ призводился крайне тщательно, но личному осмотру и обыску онъ не былъ подвергнутъ, хотя по требованію таможеннаго чиновника онъ рас-

пахнулъ передъ нимъ пальто, чтобы убѣдить его въ отсутствіи у него вещей въ карма́нахъ.

При осмотрѣ помѣщенія въ которомъ Карповичъ проживалъ въ С.-Петербургѣ, Казанская д. № 11, въ меблированныхъ комнатахъ мѣщанина Бѣлавенецъ обнаруженъ былъ его заграничный паспортъ, выданный ему 25-го октября 1899 г. Могилевскимъ Губернаторомъ, изъ котораго видно, что онъ 4 декабря 1899 г. выбылъ заграницу черезъ Вержболово и возвратился въ Россію черезъ тотъ же пунктъ 11 февраля 1901 г. и прибылъ въ С.-Петербургъ 12 февраля. При обыскѣ изъ имущества его отобрано извѣстное нѣмецкое сочиненіе „Kraft und Stoff“ Бюхнера. По справкамъ жандармскаго управленія оказалось, что по наблюденію въ 1899 г. въ г. Гомелѣ за кружкомъ лицъ, занимавшихся пропагандой среди мѣстныхъ рабочихъ, въ числѣ другихъ замѣченъ былъ и Карповичъ. При ликвидаціи Гомельскаго „Соціалъ-демократическаго комитета“, произведенной въ ночь на 5-е октября 1899 г., Карповичъ былъ подвергнутъ обыску, по которому однако ничего предосудительнаго обнаружено не было и потому онъ къ формальному дознанію и къ разслѣдованію въ порядкѣ закона объ охранѣ не привлекался. Послѣ этого въ декабрѣ 1899 г. по агентурнымъ полицейскимъ свѣдѣніямъ многіе изъ соціалъ-демократической партіи выѣхали заграницу изъ г. Гомеля, въ томъ числѣ и Карповичъ. Всѣ протоколы допроса Карповича, вмѣстѣ съ удостовѣреніемъ профессора Склифасовскаго, признавшаго пораненіе тайнаго совѣтника Боголѣпова не представляющимъ опасностей для жизни, но несомнѣнно являющимся тяжелымъ, какъ находящееся всего въ нѣсколькихъ миллиметрахъ отъ сонной артеріи, были представлены Министромъ Юстиціи Статсъ-Секретаремъ Муравьевымъ Его Императорскому Величеству 16-го февраля 1901 г., при чемъ Муравьевъ

докладывалъ, что сегодня (16-го февраля) предварительное слѣдствіе по дѣлу Карповича будетъ окончено и въ настоящее время составляется обвинительный актъ для внесенія въ С.-Петербургскую Судебную Палату. При такомъ ходѣ дѣла, по мнѣнію Муравьева, оно можетъ быть назначено къ разсмотрѣнію въ Судебномъ засѣданіи Особаго Присутствія названной Судебной Палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей въ первой половинѣ марта.

Покушеніе Карповича произвело волненіе среди С.-Петербургской учащейся молодежи и вечеромъ 15 февраля 1901 г. въ квартирѣ врача Фридолина, на набережной рѣки Пряжки, состоялось собраніе представителей отъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній для обсужденія вопроса объ организаціи открытой демонстраціи, въ видахъ выраженія сочувствія студентамъ С.-Петербургскаго университета сданнымъ въ солдаты. При этомъ былъ произведенъ подсчетъ по каждому учебному заведенію числа слушателей, которые могутъ принять участіе въ этихъ безпорядкахъ. Однако окончательнаго рѣшенія на этой сходкѣ не было принято, также не состоялась предполагавшаяся на 16-е февраля демонстрація въ студенческой столовой.

15-го февраля среди учащейся молодежи появилась прокламація по поводу совершившагося событія.

2-го марта 1901 г. *тайный совѣтникъ Боголѣповъ умеръ отъ нанесенныхъ ранъ.*

Допрошенный Судебнымъ Слѣдователемъ на другой день смерти Боголѣпова, въ конторѣ С.-Петербургскаго Дома предварительнаго заключенія Карповичъ вновь подтвердилъ, что *„онъ не признаетъ себя виновнымъ въ убійствѣ Боголѣпова, такъ какъ онъ считалъ своей нравственной обязанностью стрѣлять въ него, чтобы его убить или ранить. О своемъ поступкѣ онъ не сожалѣетъ и въ*

немъ не раскаивается, ничего другого отвѣчать не желаетъ, кромѣ того что уже показалъ при допросѣ 14 и 15 февраля".

Преданный суду, приговоромъ С.-Петербургской Судебной Палаты, состоявшимся 17-го марта 1901 г., *Карповичъ присужденъ былъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ.*

Разслѣдованіемъ производившимся Прокуроромъ С.-Петербургской Судебной Палаты по поводу обвиненія Карповича и другихъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 250 и 1454 ст. Улож. о Наказ. *не представилось возможнымъ выяснить прикосновенность кого либо изъ лицъ, проживающихъ въ Россіи и заграницею, къ преступленію учиненному Петромъ Карповичемъ, почему, въ виду обращенія приговора Судебной Палаты къ исполненію, предпринятое разслѣдованіе было прекращено.*

Взамѣнъ ссылки въ каторжныя работы Карповичъ заключенъ былъ въ Шлиссельбургскую государственную тюрьму, въ которой содержится по настоящее время.

Нелегальная печать до суда надъ Карповичемъ распространяла обращеніе къ обіществу, професссорамъ и студентамъ подъ заглавіемъ: „Судъ присяжныхъ для Карповича". Въ этомъ обращеніи описывались причины студенческихъ безпорядковъ и забастовокъ, выставлялся подвигъ Карповича, который явился „жертвой" политики и образа дѣйствій Боголѣпова „варвара, которому ввѣрены были дѣла народнаго образованія":

„Неужели у кого хватитъ духу осудить Петра Карповича... не нужно обладать широкимъ міросозерцаніемъ, чтобы понять, что здѣсь совершилось не преступленіе, а актъ безкорыстнаго самоотверженія, что выстрѣлъ Карповича—это неизбѣжная отплата, воздаяніе за разбитыя надежды, исковерканныя юныя жизни, за материнскія слезы"...

„Обращаясь къ стоящимъ у кормила правленія, въ чьихъ рукахъ теперь судьба нашего товарища... Покажите, что въ васъ осталось хоть немного политическаго разума, хоть капля человѣчности, что вы хоть сколько-нибудь понимаете сущность и причину поступка Карповича. Судите его судомъ присяжныхъ. Передайте его дѣло на безпристрастный судъ общества. Вы, которые такъ или иначе вызвали это преступленіе не будьте въ то же время его судьями".

„Профессора! Вы, наши патентованные учителя и руководители, вы, представители науки и свѣта, чувствуете ли вы, что на вашей совѣсти лежитъ гибель Карповича"...

„Вы молчаливо созерцаете какъ университетъ превращается въ казарму, а сами готовы превратиться въ фельдфебелей. Вы безъ единаго слова протеста даете погибнуть сотнямъ молодыхъ жизней. Вы равнодушно смотрите какъ лучшіе изъ вашей среды удаляются изъ храма науки при малѣйшей попыткѣ протестовать. Студенты теперь не знаютъ кого имъ уважать, откуда ждать мудраго указанія или ободрительнаго руководящаго слова. Студенты не знаютъ кого имъ больше бояться: жандарма-шпіона или учителя-ректора".

...„Вы знатоки души человѣческой, видите ли до чего доводитъ насиліе, произволъ и казарменное отношеніе къ легко увлекающимся отзывчивымъ юношамъ. Вы видите какъ вашъ высшій начальникъ и представитель своимъ гнуснымъ и безсердечнымъ поведеніемъ довелъ мирнаго кроткаго юношу до убійства... Нѣкоторые изъ васъ называютъ себя нашими друзьями, нашими старшими товарищами. Такъ покажите же что вы не лицемѣрите, покажите что вы достойны этого названія; вы, либеральные, гуманные, просвѣщенные, *требуйте же во имя науки и нравственности суда присяжныхъ для Карповича*".

„Студенты! Знайте, что каждый изъ насъ, кто бы онъ ни былъ по своимъ убѣжденіямъ, отчасти виновенъ въ событіи 14-го февраля. Мы не захотѣли должнымъ образомъ отвѣтить на дикую расправу Боголѣпова и выступить сомкнутыми рядами на защиту товарищей, и искупительной жертвой за всѣхъ насъ явился Карповичъ. Поймите же это и не дайте ему окончательно погибнуть. Требуйте для него суда присяжныхъ. Пусть справедливый, хотя бы строгій судъ разберется, наконецъ, въ этой драмѣ, которая завязалась не теперь, а въ день знаменитаго побоища надъ Невою 8-го февраля, 1899 г. Пусть судъ присяжныхъ своимъ безпристрастнымъ приговоромъ покажетъ кто правъ и кто виноватъ въ этомъ преступленіи".

„А по отношенію къ тебѣ, товарищъ Карповичъ, у насъ всѣхъ изъ глубины души вырывается мучительный, но бодрящій крикъ: о смѣлый соколъ! въ бою съ врагами истекъ ты кровью... Но будетъ время и капли крови твоей горячей, какъ искры вспыхнутъ во мракѣ ночи, и много сильныхъ сердецъ зажгутся безумной жаждой свободы, свѣта. Пускай ты умеръ... но въ пѣсни смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь живымъ призывомъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ, къ свѣту"...

Рига 1901 г.

Также нелегальною печатью распространялось „Объясненіе подсудимаго Петра Владимірова Карповича, данное въ судебномъ засѣданіи 17-го марта 1901 г.":

„На вопросъ предсѣдателя о виновности подсудимый Карповичъ заявилъ — виновнымъ я себя не признаю, такъ какъ чтобы признать виновность, надо сознать неправильность своихъ дѣйствій. Я этого не считаю за невѣрный поступокъ; самый же фактъ выстрѣла и нанесенія мною раны я признаю".

„Въ 1895 г. я поступилъ въ Московскій университетъ съ розовыми мечтами, желая черпать изъ источ-

ника науки, но разочаровался. Я нашелъ чиновниковъ: профессора отбывали срокъ, а не читали лекцій. Правда исключенія бывали, но на нихъ косо смотрѣли: профессора считались какъ бы провинившимися, если интересъ бывалъ возбужденъ и профессоровъ, такъ сказать, сталкивали съ мѣста. Я видѣлъ, что университетъ обращается въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Полная подчиненность Попечителю и Министру. Положеніе ухудшала инспекція, игравшая роль шпіоновъ не только за студентами, но и за профессорами; педеля подслушивали у дверей аудиторій; это дѣлалось съ цѣлью отдѣлить профессоровъ отъ студентовъ. Кромѣ того студенты признавались отдѣльными личностями—это ненормально, такъ какъ чувство товарищества возникаетъ еще въ гимназіи, и, напримѣръ, на медицинскомъ и естественномъ факультетахъ практическія занятія необходимо сближаютъ. Такимъ образомъ профессоровъ обратили въ чиновниковъ, но справиться со студентами не удалось".

„Со времени вступленія Боголѣпова въ должность Попечителя стали говорить чего можно ожидать отъ него, стали вспоминать о времени его ректорства; о томъ что ему было послано анонимное письмо о томъ, что ему дадутъ пощечину, если онъ не подастъ въ отставку (примѣры этому были раньше — инспектору еще недавно была дана пощечина). На второй день онъ говорилъ по этому поводу рѣчь, прослезился, а затѣмъ подалъ въ отставку. Боголѣповъ считалъ, что бѣдные не должны поступать въ университетъ — увеличивать умственный пролетаріатъ. Для этого и увеличили плату за слушаніе лекцій".

„Вспоминая съ 1894 г. дѣятельность Боголѣпова, я не видѣлъ ни одной точки свѣтлой и, и дѣйствительно, дѣятельность эту можно выразить словами „давить и подавлять". Напримѣръ, будучи ректоромъ, онъ вывѣ-

силъ объявленіе о томъ, что не записавшіеся на слушаніе какихъ либо профессоровъ не могутъ посѣщать ихъ лекцій и изъ этого происходили даже схватки съ педелями и инспекціею. Это бывало главнымъ образомъ на лекціяхъ Кливченко, Фортунатова и Петрова. Но къ нѣкоторымъ профессорамъ приглашали ходить, напримѣръ, субъ-инспекторъ приглашалъ меня зайти къ Мрочекъ-Дроздовскому на лекцію и на мое замѣчаніе, что я естественникъ, отвѣтилъ: „ну къ этому профессору можно, что вамъ стоитъ часъ посидѣть".

„Началась исторія студенческихъ хора и оркестра, при помощи которыхъ устраивались концерты, при чемъ выборные отъ студентовъ составляли списокъ недостаточныхъ товарищей и затѣмъ передавали полученныя съ концертовъ деньги съ этимъ спискомъ инспектору. Боголѣповъ отстранилъ студентовъ отъ участія въ этихъ концертахъ, не смотря на то, что за студентовъ заступался даже самъ инспекторъ".

„Затѣмъ разыгралась исторія съ Хвостовымъ. (Будучи остановленъ предсѣдателемъ подсудимый заявляетъ: это имѣетъ непосредственное отношеніе къ дѣлу, такъ какъ мнѣ надо выяснить мотивы моего поступка съ Боголѣповымъ). Диссертацію Хвостова оффиціальные оппоненты профессора Доробецъ и Ганбаровъ, признали совершенно негодной, но Хвостовъ былъ протеже Боголѣпова и Доробецъ былъ уволенъ, а Ганбаровъ получилъ выговоръ, послѣ чего были назначены оппонентами профессора Павловъ и Алексѣевъ и диссертація прошла".

„Вскорѣ произошла исторія съ профессоромъ Захарьинымъ. Онъ не обращалъ никакого вниманія на клиники и на лекціи: въ клиникахъ ординаторы обучали больныхъ заранѣе, что говорить профессору; Захарьинъ же кричалъ на больныхъ. Ординаторы дѣлали что хотѣли, брали взятки за помѣщенія больныхъ въ

клиникѣ. (Будучи вторично остановленъ предсѣдателемъ подсудимый возразилъ: это имѣетъ значеніе, такъ какъ Боголѣповъ взялъ подъ свое покровительство эти порядки). Положеніе было отвратительное: дѣвушки подвергались приставаніямъ ординаторовъ и бывали случаи, что женщины убѣгали ночью изъ клиники. Такое положеніе дѣла побудило студентовъ 4-го курса послать къ Захарьину делегатовъ, которымъ Захарьинъ предложилъ удалиться. Тогда союзный совѣтъ, изложивъ фактическую сторону, послалъ сообщеніе объ этомъ ректору и вообще начальству, но въ результатѣ нѣсколько человѣкъ 2-го, 3-го и 4-го курсовъ было уволено, а по существу начальство ничего не разслѣдовало. Далѣе Боголѣповымъ былъ объявленъ выговоръ студентамъ естественнаго и медицинскаго факультетовъ за непосѣщеніе лекціи 19-го февраля. Кромѣ того дѣлались все время мелкія придирки".

„Усиленное преслѣдованіе землячествъ въ 1894 г. также привело къ безпорядкамъ, несмотря на старанія организованной части студенчества уладить дѣло мирно". (Будучи остановленъ предсѣдателемъ, Карповичъ говоритъ: Это нужно для выясненія того, почему я именно рѣшилъ стрѣлять, на чемъ основались мои мотивы, все это имѣетъ связь, все это на меня сильно дѣйствовало).

„Въ 1896 г. вновь произошли безпорядки. Началомъ ихъ явилась уличная демонстрація 18-го ноября. Студенты пошли на Ваганьковское кладбище съ цѣлью служить панихиду. У Пречистенской заставы ихъ встрѣтила полиція и приставъ заявилъ, что „не приказано пускать"; такимъ образомъ, подходя понемногу, собралось около 400 человѣкъ. Не-студентовъ пропускали свободно, и студенты, рѣшивъ обратиться къ ректору за разрѣшеніемъ служить панихиду, пошли въ университетъ тихо, безъ пѣсенъ и криковъ. Около универ-

ситета студентовъ окружила полиція и отправила ихъ въ манежъ, откуда 36 человѣкъ въ томъ числѣ и я, были переданы въ Таганьковскую тюрьму".

„Начались вслѣдствіе этого сходки, на которыя являлась полиція и студентовъ отводили въ тюрьмы, часть въ пересыльную, и часть въ одиночную, гдѣ сидѣло болѣе 300 человѣкъ. По обвинительному акту я являюсь какъ бы главаремъ и заправилою, а между тѣмъ я не былъ даже допрошенъ, мнѣ выдали проходное свидѣтельство и выслали. Такихъ какъ я было 200 человѣкъ; вообще же исключено свыше 400 человѣкъ, срокомъ отъ одного до пяти лѣтъ, хотя въ правительственномъ сообщеніи число исключенныхъ показано было въ 26 человѣкъ и на время не болѣе полугода".

„Затѣмъ я былъ принятъ въ Дерптскій университетъ. Я послалъ телеграмму—мнѣ черезъ мѣсяцъ, 10-го октября, дали отвѣтъ, что я принятъ. Вскорѣ начались безпорядки въ С.Петербургскомъ университетѣ, причины ихъ видны изъ первой части доклада Ванновскаго, гдѣ выступаетъ вина полиціи и Пирамидова. Потомъ начались безпорядки въ Московкомъ университетѣ; это былъ настоящій хаосъ: болѣе 2.000 человѣкъ были исключены, студентовъ прямо хватали на улицахъ по 5—6 человѣкъ. Пострадало масса невинныхъ, было много курьезовъ, напримѣръ: искали, чтобы выслать покойника, умершаго тремя мѣсяцами ранѣе и т. д."

„Дѣятельность Боголѣпова какъ министра, проявилась слѣдующимъ: изданы были правила, закрѣпляющія гимназистовъ въ ихъ округахъ. Рѣчь Сумского директора дала возможность узнать что учениковъ старшихъ классовъ будутъ за малѣйшее неповиновеніе увольнять".

„Но кульминаціоннымъ пунктомъ дѣятельности Боголѣпова явились „временныя правила"; сначала гово-

рили, что примѣнять ихъ не будутъ, говорили, что это правительство пугаетъ студентовъ. Это былъ бѣлый терроръ. Я по прошлымъ примѣрамъ боялся что ихъ станутъ примѣнять. Это оправдалось. Живя за границею, я слѣдилъ за русской жизнью; оттуда приходило мало хорошаго. Наконецъ прошелъ слухъ и въ нѣмецкихъ газетахъ появилось извѣстіе, что 60 человѣкъ Кіевскихъ студентовъ сданы въ солдаты. Это на меня страшно подѣйствовало. Я захотѣлъ провѣрить эти свѣдѣнія, правительственное сообщеніе поправило ошибку нѣмецкой газеты: въ солдаты было сдано 183 человѣка. Во мнѣ началась борьба. Боголѣповъ былъ виновникомъ всего, онъ назначилъ комиссію и онъ же утвердилъ приговоръ. Положеніе солдатъ въ русскомъ войскѣ ужасно, побои, ругань... а тутъ сдавали безъ разбора, больныхъ, слабыхъ... однимъ почеркомъ пера Боголѣпова было погублено 183 жизни. Эта дикая расправа произвела на меня страшное впечатлѣніе. Послѣ долгой борьбы я рѣшилъ протестовать противъ такого жертвоприношенія... Личныхъ мотивовъ у меня не было, я считалъ нравственнымъ моимъ долгомъ стрѣлять".

На вопросъ предсѣдателя: „задавался ли онъ вопросомъ о своемъ правѣ судить Боголѣпова и исполнить приговоръ"—подсудимый отвѣчалъ: „Да. И этотъ вопросъ рѣшилъ утвердительно".—„Я рѣшился на это дѣло въ Берлинѣ. Револьверъ купилъ за границею, но гдѣ именно и заѣзжалъ ли куда нибудь изъ Берлина,—отвѣчать не буду. Пріѣхалъ прямо въ Петербургъ и остановился на Казанской улицѣ. Все это говорилъ уже на слѣдствіи и теперь повторяю".

Затѣмъ подсудимый, повторивъ свои объясненія данныя на предварительномъ слѣдствіи добавилъ, что для выстрѣла ждалъ момента, чтобы не ранить никого постороннихъ и въ это время слышалъ какъ городской голова Рудинъ просилъ Министра о реальномъ училищѣ

UNIVERSITY OF MICHIGAN

города Чернигова, на что Боголѣповъ отвѣтилъ, что нужны оффиціальныя свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи г. Чернигова. Этотъ разговоръ, говоритъ подсудимый, онъ понялъ въ томъ смыслѣ, что Боголѣповъ не хочетъ, чтобы въ реальныя училища попадали бѣдные люди.

„Къ Министру стоялъ близко. Не могу сказать, чтобы цѣлилъ въ него, повторяю, что непремѣнно смерти не добивался". Отъ послѣдняго слова подсудимый отказался.

II.

Убійство Министра Внутреннихъ Дѣлъ, егермейстера Д. С. Сипягина.

2-го апрѣля 1902 г., въ началѣ 2-го часа дня, въ зданіи Государственнаго Совѣта, на площади Маріинскаго дворца, въ г. С.-Петербургѣ, въ то время когда Министръ Внутреннихъ Дѣлъ егермейстеръ Сипягинъ входилъ въ вестибюль, къ нему приблизился неизвѣстный молодой человѣкъ въ адъютантской формѣ со словами: „отъ Его Императорскаго Высочества", подалъ конвертъ.

Когда министръ протянулъ руку за конвертомъ, вдругъ раздались одинъ за другимъ пять выстрѣловъ, причемъ одна пуля попала егермейстеру Сипягину въ верхнюю часть шеи, а другая въ грудную полость. Третьимъ и четвертымъ выстрѣлами былъ раненъ въ лѣвую руку и въ животъ выѣздной лакей Министра Внутреннихъ Дѣлъ Левъ Бобровъ въ то время, когда онъ собирался снять пальто съ Министра Внутреннихъ

Дѣль. Пятый выстрѣлъ, никого не задѣвъ, попалъ въ потолокъ.—Будучи тяжело раненъ Министръ упалъ. На крики присутствовавшаго въ вестибюлѣ швейцара Лукьянова на мѣсто поспѣшили нѣкоторые чины Канцеляріи Комитета Министровъ, а равно и врачъ этой Канцеляріи докторъ медицины Петровъ, которымъ раненому, въ присутствіи прибывшей тѣмъ временемъ жены его, подана была первая помощь.

Вскорѣ егермейстеръ Сипягинъ былъ перенесенъ въ находящуюся по близости Максимиліановскую лечебницу, гдѣ онъ и скончался въ 2 часа 25 минутъ пополудни.

Злоумышленникъ не пытался бѣжать и былъ тотчасъ задержанъ швейцаромъ Лукьяновымъ и другими служителями Канцеляріи Комитета Министровъ. По прибытіи на мѣсто прокурора С.-Петербургской судебной палаты задержанный назвалъ себя *Степаномъ Валерьяновымъ Балмашевымъ и заявилъ, что распоряженія и насилія Министра Внутреннихъ Дѣлъ Сипягина вынудили его совертить преступленіе.* По справкамъ о личности Балмашева установлено, что онъ родился въ апрѣлѣ 1881 г. и происходитъ изъ потомственныхъ дворянъ Саратовской губерніи. Отецъ его Валеріанъ Александровъ Балмашевъ еще въ 1876 г. привлекался къ дознанію о революціонной пропагандѣ и былъ высланъ въ Архангельскую губернію подъ гласный надзоръ полиціи срокомъ на 5 лѣтъ. Впослѣдствіи онъ проживалъ въ г. Саратовѣ, занималъ должность библіотекаря мѣстнаго Коммерческаго Собранія, а въ 1897 г. вновь обвинялся въ государственномъ преступленіи за которое въ 1899 г., по Высочайшему повѣленію, высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Вятскую губернію срокомъ на три года, гдѣ и отбываетъ наказаніе, проживая въ г. Котельничѣ.

Мать Балмашева, Марія Николаевна, акушерка, занимается практикой, живетъ съ мужемъ. Степанъ Бал-

машевъ первоначальное образованіе получилъ въ Саратовской гимназіи, изъ которой, по окончаніи курса въ 1899 г., поступилъ въ Императорскій Казанскій университетъ. Изъ Казанскаго университета онъ въ 1900 г. перешелъ въ Кіевскій университетъ св. Владиміра. Въ томъ же году онъ участвовалъ въ безпорядкахъ, произведенныхъ студентами Кіевскаго университета и на основаніи временныхъ правилъ 29-го іюля 1899 г. былъ отданъ въ военную службу срокомъ на одинъ годъ съ зачисленіемъ въ I-й Невскій пѣхотный полкъ. Однако еще до поступленія въ военную службу онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за принадлежность къ противоправительственнымъ кружкамъ, образовавшимся среди студентовъ университета Св. Владиміра и отданъ подъ надзоръ военнаго начальства въ городѣ Рославлѣ, Смоленской губерніи. Впослѣдствіи онъ былъ уволенъ въ шестимѣсячный отпускъ для поправленія своего здоровья и проживалъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи, въ томъ числѣ въ городахъ Харьковѣ и Саратовѣ.

Допросомъ цѣлаго ряда свидѣтелей удостовѣрено, что 1-го апрѣля къ занимающемуся извозчичьимъ промысломъ Степанову явился неизвѣстный человѣкъ (Балмашовъ) и заказалъ карету для „поручика Игнатьева“, которая должна была подъѣхать 2-го апрѣля въ 12-мъ часу дня къ булочной Филиппова на углу Невскаго и Троицкой улицы. Еще ранѣе, а именно 27-го марта, Балмашевъ, назвавшійся Бычковымъ, заказалъ въ магазинѣ Сагалова на Невскомъ адъютантскую форму, которую и получилъ черезъ три дня, уплативъ за нее 116 руб., заявивъ при этомъ, что форменную одежду онъ отвезетъ своему брату, служащему въ г. Гельсингфорсѣ. Кромѣ того тотъ же Балмашевъ, въ періодъ времени 27-го марта по 1-е апрѣля, пріобрѣлъ въ магазинахъ Челпанова и Коняева, Семенова,

Скосырева и Иванова форменную офицерскую фураж шашку, портупею, погоны и другія принадлежнос военнаго обмундированія.

2-го апрѣля въ 12-мъ часу дня Балмашевъ въ ф менномъ сюртукѣ зашелъ въ булочную Филиппова бывъ тамъ нѣкоторое время, приказалъ одному и служащихъ въ ней спросить не пріѣхала ли каре заказанная „поручикомъ Игнатьевымъ". — Получи удовлетворительный отвѣтъ онъ вышелъ на улиц сѣлъ въ карету, и по показанію извозчика поѣха по Невскому и Б. Морской къ зданію Маріинска дворца, гдѣ въ вестибюлѣ Канцеляріи Комитета М нистровъ ожидалъ пріѣзда егермейстера Сипягина.

По обыску у Балмашова оказался при немъ пор ель, въ которомъ найдено нѣсколько большихъ ко вертовъ, того же образца какъ и конвертъ поданны Министру Внутреннихъ Дѣлъ. На трехъ изъ нихъ на писи: „Его Превосходительству Г. Министру Вну реннихъ Дѣлъ Егермейстеру Сипягину" на двухъ „Е Превосходительству Г. Оберъ-Прокурору Святѣйша Синода Побѣдоносцеву".

Револьверъ изъ котораго стрѣлялъ Балмашев большого колибра, новой системы и бельгійскаго пр исхожденія.

Допрошенный Судебнымъ Слѣдователемъ по осо важнымъ дѣламъ при С.-Петербургскомъ Окружном судѣ Бурцовымъ въ день совершенія убійств 2-го апрѣля, въ зданіи Государственнаго Совѣта, в качествѣ обвиняемаго по 403 ст. уст. угол. судоп Балмашевъ объяснилъ: *„Я не признаю себя виновны въ покушеніи на убійство съ заранѣе обдуманнымъ нам реніемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Сипягина. Пок шеніе на убійство Г. Министра я дѣйствительно сове шилъ, но никакихъ показаній по сему предмету дава не желаю. Настоящее показаніе мнѣ прочитано, но по*

писать не желаю на томъ основаніи, что не желаю помогать слѣдствію".

Дознано было также, что Балмашевъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ нѣкоею Фейгой Гершковою Таратута, привлекавшейся къ дознанію по обвиненію въ государственномъ преступленіи и проживающей въ Кіевѣ.

Тѣло покойнаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ Сипягина осмотрѣно было докторомъ Трояновымъ и лейбъ-хирургомъ Вельяминовымъ. Причиной смерти послужилъ параличъ сердца, послѣдовавшій отъ нанесенныхъ покойному двухъ огнестрѣльныхъ ранъ находящихся на передней стѣнкѣ живота и на шеѣ.

Допрошенный 2-го апрѣля Судебнымъ Слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ Бурцовымъ въ зданіи Окружного Суда, Балмашевъ вновь заявилъ, „что никакихъ показаній по поводу убійства Министра Сипягина давать не желаетъ".

Подававшій первоначальную помощь покойному Министру Сипягину докторъ Петровъ показалъ, что когда сообщили ему, что произошло несчастіе около подъемной машины въ вестибюлѣ и онъ поспѣшилъ туда, то увидѣлъ Министра Сипягина лежавшимъ на полу въ спинномъ положеніи въ шубѣ безъ шапки. При изслѣдованіи Министръ найденъ былъ въ глубокомъ обморочномъ состояніи безъ пульса. Съ помощью окружающихъ разорваны были его одежды (галстукъ, рубашка, жилетъ) и онъ перенесенъ былъ на кровать въ той же комнатѣ. Осмотрѣвши его онъ увидѣлъ двѣ пулевыя раны,—одну въ области живота, другую на шеѣ слѣва и немного выше ключицы. При дальнѣйшемъ наблюденіи пульсъ оставался—нитевиднымъ, больному сдѣланы были вспрыскиванія мускуса, пульсъ сталъ улучшаться и больной на моменты сталъ приходить въ себя, а потомъ снова впадалъ въ

глубокое обморочное состояніе. Въ это время Министръ произнесъ нѣсколько отрывчатыхъ словъ: „Сообщите Государю. Хочу видѣть Государя. Я вѣрою и правдою служилъ Государю и никому не желалъ зла".—Потомъ сказалъ: „Пошлите за женою".—Пульсъ все болѣе и болѣе слабѣлъ, больной покрылся весь холоднымъ потомъ и сдѣлался синимъ (ціопатичнымъ) метался, хватался руками за раны. По прибытіи хирурговъ Троянова и Вельяминова больной былъ отправленъ въ Максимиліановскую лечебницу гдѣ и скончался. Въ то время когда онъ оказывалъ Министру помощь, то увидѣлъ въ трехъ шагахъ отъ постели молодого офицера въ адъютантской формѣ, котораго держалъ швейцаръ за рукавъ и который на чей то вопросъ сказалъ: „Это за послѣдній циркуляръ".

3-го апрѣля Балмашевъ вызвалъ въ Домъ Предварительнаго Заключенія, гдѣ онъ содержался, Слѣдователя Бурцева и въ присутствіи Прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Вся моя предыдущая дѣятельность привела меня къ убѣжденію, что при репрессіяхъ, которыми пользуется Русское правительство въ борьбѣ съ революціонерами, мирная соціалистическая работа не возможна. Слѣдствіемъ сего явилось мое выступленіе на путь террора. Насиліе въ широкихъ размѣрахъ, которое было лозунгомъ политики Министра Внутреннихъ Дѣлъ Сипягина, заставило меня остановиться на немъ. Террористическій способъ веденія борьбы я считаю безчеловѣчнымъ и жестокимъ, но онъ является неизбѣжнымъ при современномъ режимѣ. Отказываюсь отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій по сему дѣлу. Заявленіе это по моему мнѣнію можетъ имѣть общественное значеніе, почему оно и сдѣлано мною. Хотя все вышеизложенное занесено съ моихъ словъ, подъ мою диктовку, но подписывать протоколъ я отказы-

ваюсь, такъ какъ въ подписи протокола вижу помощь слѣдствію, отчего, какъ я и прежде сказалъ, я совершенно отказываюсь".

Дознаніемъ обнаружено было, что Балмашевъ приготовляясь къ преступленію проживалъ въ Выборгѣ въ гостиницахъ „Societaets-Hus" и „Континеталь", откуда въ разное время пріѣзжалъ въ Петербургъ.

1-го апрѣля въ 7 часовъ 50 мин. утра онъ выѣхалъ изъ Выборга, дорогою сдалъ свои вещи на станціи Теріоки, а въ одиннадцатомъ часу утра заказалъ въ д. № 17 по Бассейной улицѣ въ г. Петербургѣ карету. Вскорѣ затѣмъ онъ пріобрѣлъ портфель въ магазинѣ Степанова на Невскомъ, въ третьемъ часу дня купилъ перчатки въ магазинѣ Готлиба на Владимірской, а въ три часа дня портупею въ магазинѣ Скосырева на Владимірской. Въ тотъ же день въ 10 час. 26 мин. вечера Балмашевъ прибылъ на станцію Теріоки и переночевалъ въ постояломъ дворѣ Вейялайскъ. 2-го апрѣля въ 6 час. 10 мин. утра онъ выѣхалъ въ офицерскомъ платьѣ со станціи Теріоки въ Райвола, пробылъ тамъ одинъ часъ, а затѣмъ въ 7 ч. 36 мин. отбылъ по направленію къ С.-Петербургу, при чемъ не доѣзжая станціи Теріоки, выбросилъ форменную (гражданскую) фуражку, которую ранѣе надѣвалъ, на полотно дороги. Въ 9 час. 40 мин. утра прибылъ въ Петербургъ и около 10-ти часовъ утра гулялъ по прилегающимъ къ вокзалу улицамъ. Послѣ этого въ 11 час. утра онъ купилъ шашку въ магазинѣ Иванова, въ гостиномъ дворѣ, къ 12-ти часамъ явился въ булочную Филиппова на Невскомъ и оттуда въ первомъ часу дня отправился къ зданію Государственнаго Совѣта. Въ деревнѣ Теріокахъ отобраны были оставленные Балмашевымъ вещи; фетровая шляпа, ватное пальто, новая темная пиджачная пара. Изъ свѣдѣній, полученныхъ изъ Выборга—Балмашевъ имѣлъ тамъ

свиданія съ неизвѣстнымъ лицомъ, прибывшемъ туда 28-го марта и отправившимся 30-го въ Петербургъ. При предъявленіи Балмашеву удостовѣренія о его пребываніи въ Выборгѣ, а равно объ исчезновеніи бывшаго при немъ чемодана, обвиняемый смутился, поблѣднѣлъ и впалъ въ обморочное состояніе и на носилкахъ былъ унесенъ изъ камеры слѣдователя въ Домъ Предварительнаго Заключенія.

Установлено было, что въ Финляндіи Балмашевъ имѣлъ свиданіе съ Григоріемъ Андреевичемъ Гершуни, скрывшимся заграницу, который въ 1892 г. редактировалъ террористическую брошюру „Свободу“ и былъ изобличенъ въ прикосновенности къ дѣлу „Рабочей партіи политическаго освобожденія Россіи“.

Матеріальныхъ средствъ какъ было дознано, Балмашевъ не имѣлъ; будучи въ Кіевскомъ университетѣ онъ получалъ стипендію Саратовскаго депутатскаго собранія имени Колычева 250 р. въ годъ. Кромѣ того въ 1901 г. онъ пользовался пособіемъ по 10-ти рублей въ мѣсяцъ отъ Саратовскаго общества вспомоществованія недостаточнымъ лицамъ, стремящимся къ высшему образованію. Никто изъ родныхъ ему матеріально не помогалъ.

Будучи въ университетѣ жилъ въ одной комнатѣ со студентомъ 1-го курса медицинскаго факультета Карломъ Егоровымъ Думлеръ 21-го года, принадлежавшимъ къ богатой крестьянской семьѣ, который подозрѣвался въ доставленіи Балмашеву денежныхъ средствъ для осуществленія задуманнаго преступленія. Допрошенный Думлеръ не призналъ однако вводимаго на него подозрѣнія. Предположено было также что Балмашеву помогалъ Гершуни, снабдивъ его револьверомъ.

9-го апрѣля 1902 г., вновь назначенный Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Статсъ-Секретарь Плеве увѣдомилъ Министра Юстиціи, „что на основаніи п. 1 ст. 17 Высо-

чайше утвержденнаго 14-го авг. 1881 г. Положенія о мѣрахъ къ охраненію Государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (Прил. 1 къ ст. 1) прим. 2 Уст. о Пред. и Прес. Прест. т. 14 св. Зак.) онъ признаетъ соотвѣтственнымъ, возбужденное при С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ предварительное слѣдствіе по обвиненію дворянина Балмашева въ убійствѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ егермейстера Сипягина передать, по окончаніи такого производства, на разсмотрѣніе Военнаго Суда для сужденія обвиняемаго по законамъ военнаго времени съ примѣненіемъ при разсмотрѣніи дѣла судомъ ограниченій указанныхъ въ §§ А и Б пункта 3 помянутой статьи 17".

Объ этомъ 9-го же апрѣля, Министромъ Юстиціи Статсъ-Секретаремъ Муравьевымъ предложено было Прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты: „окончить предварительное слѣдствіе и затѣмъ дѣло передать Военному Прокурору С.-Петербургскаго Военнаго Окружного Суда. Дальнѣйшее же разсмотрѣніе и выясненіе сообщниковъ Балмашова можетъ составить предметъ дополнительнаго слѣдствія".

Уже на другой день, 10-го апрѣля, слѣдственное дѣло, вслѣдствіе отказа обвиняемаго дать какія-либо показанія, по заключенію предварительнаго слѣдствія, передано было военному прокурору С.-Петербургскаго Военнаго Окружного Суда".

Засѣданіе Военно-Окружного Суда по дѣлу объ убійствѣ бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ Сипягина, состоялось въ пятницу 26-го апрѣля въ 11 час. утра въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Окружного Суда. *Обвиняемый приговоренъ былъ къ смертной казни.*

3-го мая въ 4 часа утра въ Шлиссельбургской крѣпости, въ присутствіи Товарища Прокурора С.-Петербургскаго Окружного Суда Кибирева приведенъ былъ въ исполненіе приговоръ С.-Петербургскаго Военно-Окружного Суда

отъ 26-го апрѣля по дѣлу объ убійствѣ министра внутреннихъ дѣлъ егермейстера Сипягина.

По поводу убійства Министра Внутреннихъ Дѣлъ Сипягина распространялись печатные листы 3-го апрѣля отъ „Боевой группы соціалистовъ-революціонеровъ“ и 1-го мая ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ отъ „Партіи соціалистовъ-революціонеровъ“.

Нелегальная печать распространяла слѣдующія свѣдѣнія о процессѣ по дѣлу Балмашева:

„Въ пятницу 26-го апрѣля состоялся судъ надъ С. В. Балмашевымъ, убившимъ Сипягина. Предсѣдательствовалъ баронъ Остенъ-Сакенъ. Въ залъ суда допущено было ограниченное число лицъ. Подсудимый былъ одѣтъ въ полупальто, въ мягкой рубахѣ и повязанъ шелковымъ платкомъ. Читался его дневникъ въ которомъ отражалось душевное настроеніе подсудимаго, причемъ большая часть мѣстъ, относящихся къ имени Царя пропускалась. Балмашевъ оживленно улыбался и разговаривалъ со своимъ защитникомъ присяжнымъ повѣреннымъ Люстигомъ. На вопросъ одного изъ присутствующихъ о причинѣ такого оживленнаго разговора, присяжный повѣренный Люстигъ объяснилъ, что сообщилъ Балмашеву о томъ, что мать, находившаяся въ залѣ суда, во время перерыва, захотѣла поздравить сына съ днемъ ангела *), на что Балмашевъ отвѣтилъ, что рѣдко кто получаетъ въ день своего ангела такой подарокъ, какъ онъ. Вообще Балмашевъ оставилъ сильное впечатлѣніе своимъ спокойнымъ видомъ, хладнокровіемъ, умѣньемъ держаться передъ судомъ. На всѣ вопросы и предложенія дополнить обвинительный актъ отвѣчалъ отказомъ, заявивъ, что все скажетъ въ своемъ послѣднемъ словѣ“.

„Прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи ничего не

*) 26 апрѣля св. Стефана, епископа Пермскаго.

говорилъ по существу, настаивая на смертной казни черезъ повѣшеніе по закону".

„Защитникъ Люстигъ, признавая виновность своего кліента, въ то же время осуждалъ правительство. Русская жизнь является ненормально тяжелой, особенно для народа. Ничего не проникаетъ въ печать, никто ничего не знаетъ. Люди преданные престолу во всемъ винятъ подпольную пропаганду, съ другой стороны люди недовольные во всемъ винятъ Верховную власть. Для людей сложившихся и съ установленными характерами положеніе дѣла не оказываетъ вліянія на ихъ поступки; другое дѣло люди подобные его кліенту. Такимъ образомъ правительство создало само себѣ враговъ и должно вину за катастрофы, какъ убійство Сипягина, принять на себя. Затѣмъ защитникъ указывалъ на то, что живя въ Россіи не знаешь какимъ законамъ подлежишь. Пусть законы будутъ строго и неумолимо карать, но необходимо знать какимъ закономъ будутъ тебя судить. Въ прошломъ году совершеннолѣтній Карповичъ преданъ былъ гражданскому суду и приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Въ слѣдующемъ году несовершеннолѣтній Балмашевъ предается военному суду и карается смертною казнью. Вотъ это-то безъ всякаго основанія преданіе военному суду кліента и составляетъ исключительное его положеніе, вслѣдствіе чего онъ и проситъ милости къ подсудимому".

„Въ послѣднемъ словѣ Балмашевъ кратко и спокойно указалъ на ту атмосферу, въ которой онъ воспитывался, все подготовило его къ политической борьбѣ, признаетъ себѣ исключительно политическимъ борцомъ и если онъ погибаетъ, то въ силу того, что оказался слабѣйшей стороной. *Всю вину за совершившееся возлагаетъ на правительство, которому судъ долженъ указать мѣсто рядомъ съ нимъ на скамьѣ подсудимыхъ, если только передъ нимъ судъ правый и справедли-*

вый. — Въ послѣднемъ своемъ словѣ подсудимый ни разу не упоминалъ о снисхожденіи, ни о милосердіи".

„Послѣ двухъ минутъ совѣщанія былъ объявленъ приговоръ: „смерть черезъ повѣшеніе". Подсудимый совершенно спокойно выслушалъ свой приговоръ".

„Мать Балмашева въ тотъ же день подала на Высочайшее имя прошеніе о помилованіи".

„Поданная осужденнымъ кассаціонная жалоба была разсмотрѣна Главнымъ Военнымъ Судомъ въ засѣданіи 27-го апрѣля и оставлена безъ послѣдствій".

III.

Убійство Министра Внутреннихъ Дѣлъ Статсъ-Секретаря В. К. фонъ-Плеве.

15 іюля 1904 г. утромъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Статсъ Секретарь В. К. Плеве ѣхалъ въ каретѣ на Балтійскій вокзалъ для слѣдованія въ Петергофъ къ Высочайшему докладу. Въ 9 часовъ 46 минутъ утра, когда экипажъ Министра приблизился къ углу Измайловскаго проспекта и Обводнаго канала, съ тротуара по направленію отъ углового дома, бросился съ правой стороны къ каретѣ молодой человѣкъ, одѣтый въ форму низшаго желѣзнодорожнаго служащаго. При видѣ этого, ѣхавшій сзади Министра на велосипедѣ агентъ охранной полиціи Фридрихъ Готлибъ Гартманъ вознамѣрился перерѣзать упомянутому человѣку путь къ экипажу; однако онъ не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ въ то же мгновеніе злоумышленникъ произвелъ метательное движеніе и бросилъ подъ карету Министра какой-то предметъ. Раздался оглушительный взрывъ,

сопровождавшійся густымъ дымомъ и ошеломившій всѣхъ, находившихся по близости. Карета Министра оказалась совершенно разрушенной, смертельно раненый кучеръ, запасный унтеръ-офицеръ Иванъ Филипповъ былъ далеко отброшенъ силой взрыва, нѣсколько человѣкъ получило болѣе или менѣе серьезныя поврежденія. Подоспѣвшіе чины полиціи увидали Министра лежащаго на обломкахъ экипажа безъ малѣйшихъ признаковъ жизни. Тотчасъ была вытребована карета краснаго креста, въ которой тѣло В. К. Плеве было доставлено на его квартиру. Чинами полиціи, при участіи агента Гартмана, задержанъ былъ бросившій разрывной снарядъ человѣкъ, который оказался раненымъ, но не серьезно. Послѣ задержанія онъ дѣлалъ попытки достать что-то изъ кармана, но это ему не удалось, а при обыскѣ въ карманѣ найденъ былъ заряженный револьверъ. Изъ находившихся въ моментъ взрыва на мѣстѣ происшествія получили тяжкія поврежденія капитанъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Цвѣцинскій, у котораго оказалась трещина черепа и рядовой нестроевой (лазаретный служитель) штаба 37-й пѣхотной дивизіи Фригенбергъ, тяжело раненый. Остальныя лица—дворянка Е. Г. Хабарова, мѣщанинъ Марковъ, крестьянинъ Лаврентьевъ и агентъ охранной полиціи Гартманъ получили сравнительно легкія поврежденія.

Сила взрыва была необыкновенно разрушительна; карета была расщеплена на множество осколковъ, отброшенныхъ на разстояніе до 50 сажень, стекла въ окрестныхъ домахъ были сплошь выбиты. Въ домѣ баронессы Клейбергъ всѣ окна въ четырехъ этажахъ выбиты, причемъ во 2-мъ этажѣ Варшавской гостиницы оказался кусокъ дерева отъ кареты, вѣсомъ въ два съ половиной фунта; даже въ отдаленномъ Варшавскомъ вокзалѣ въ переднемъ его фасадѣ стекла

были выбиты; пальто покойнаго Министра представляло лишь нѣсколько обрывковъ ткани, а орденская звѣзда была совершенно уничтожена и отъ нея остался только центральный эмалевый кружокъ съ нѣсколькими брилліантами. При судебно-медицинскомъ изслѣдованіи тѣла покойнаго В. К. Плеве оказалось, что нижняя часть лица его была сильно раздроблена и представляла изъ себя сплошную рану, захватывающую и лѣвый глазъ; кромѣ того найдены были смертельныя поврежденія на головѣ, правомъ плечѣ, спинѣ и груди Смерть наступила мгновенно.

Спустя около часу времени послѣ момента взрыва, къ находящемуся у перевоза черезъ Неву близъ Горнаго Института яличнику Кондратьеву подошелъ молодой человѣкъ еврейскаго типа въ форменной накидкѣ морского вѣдомства и въ котелкѣ и нанялъ яличника для прогулки по взморью, съ платою по 80 коп. въ часъ. Когда лодка Кондратьева проходила мимо Балтійскаго завода, около броненосца „Слава, неизвѣстный молодой человѣкъ вытащилъ изъ подъ накидки, завернутый въ платокъ, круглый свертокъ и быстро опустилъ въ воду какой то тяжелый предметъ, чѣмъ возбудилъ подозрѣніе въ лодочникѣ, который вслѣдствіе этого направилъ свой ялик къ ближайшему посту рѣчной полиціи. Угадавъ намѣреніе яличника, неизвѣстный началъ просить отпустить его, предлагая яличнику постепенно 1 руб., 3 руб. и наконецъ 10 руб. Въ виду этого яличникъ Кондратьевъ доставилъ неизвѣстнаго въ полицію. При обыскѣ у него обнаруженъ кошелекъ съ 26-ю рублями и 2 револьверныхъ патрона.

Убійца Министра Плеве, допрошенный въ качествѣ обвиняемаго судебнымъ слѣдователемъ въ 3-мъ часу ночи на 16 іюля въ отдѣльной палатѣ Александровской больницы, отказавшись назвать себя и дать какія бы то ни

было свѣдѣнія о своей личности, призналъ себя виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ Министра Статсъ-Секретаря Плеве и объяснилъ, что онъ принадлежитъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и убилъ Министра по порученію боевой организаціи этого сообщества, поставившей своей задачею уничтоженіе наиболѣе усердныхъ слугъ Самодержавія и, слѣдовательно, наиболѣе упорныхъ враговъ народа; къ послѣднимъ принадлежалъ и Министръ Плеве, которому поэтому давно уже боевая организація вынесла смертный приговоръ, приведенный въ исполненіе обвиняемымъ. Затѣмъ допрошенный показалъ, что въ Сѣверной гостинницѣ погибъ его товарищъ по боевой организаціи, который долженъ былъ исполнить смертный приговоръ надъ Плеве, но осуществленіе этого замысла тогда не удалось, благодаря случайности.

Назвать погибшаго въ Сѣверной гостинницѣ онъ отказался и заявилъ, что цѣль боевой организаціи— уничтоженіе Самодержавія путемъ политическихъ убійствъ, завоеваніе политической свободы для приближенія къ соціалистическому строю. Также онъ показалъ, что убійство генералъ-адъютанта Бобрикова не имѣетъ никакого отношенія къ дѣятельности боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ и есть дѣло финляндской противоправительственной партіи, безъ всякаго участія соціалистовъ-революціонеровъ. Далѣе онъ показалъ, что одновременно со взрывомъ онъ потерялъ сознаніе; очнувшись, увидѣлъ Министра лежащимъ на мостовой и закричалъ: „да здравствуетъ боевая организація, долой Самодержавіе“, чѣмъ и обнаружилъ свою виновность передъ полиціею и собравшейся толпою народа. Относительно соучастниковъ преступленія убійца отказался что либо объяснить.

Препровожденный изъ Александровской больницы въ больницу Одиночной тюрьмы, убійца отказавшійся

дать показанія, въ бредовомъ состояніи въ теченіе дня 16 іюля, а также днемъ 17 и въ ночь на 18 іюля произносилъ отрывочныя фразы, тщательно записываемыя слѣдователемъ. На всѣ задаваемыя ему вопросы во время бреда о его личности, отвѣчалъ уклончиво: „Александръ Ивановичъ зовите меня, но только это не мое имя.—Ну пусть буду Петровъ... званіе мѣщанское“ и т. п. „Я нахожусь въ Крестѣ или въ домѣ предварительнаго заключенія на Шпалерной... а отчего же меня прямо не отправили въ Петропавловскую крѣпость... врядъ ли скоро отпустятъ... въ Петропавловской тамъ сидятъ наши... а въ Бога я вѣрую... жить мнѣ недолго... противъ Царя ничего не имѣлъ... къ сожалѣнію онъ не распорядитель... да правда... все кончится смертной казнью... противъ Царя виноватъ.., то есть не противъ Царя... противъ его распоряженія...“

Задержанный на Невѣ молодой человѣкъ 17 іюля заявилъ что онъ Семенъ (Шмоль) Сикорскій еврей изъ мѣстечка Кишинъ Гродненской губерніи, но больше ничего говорить не хочетъ.

По поводу убійства В. К. Плеве С.-Петербургскимъ комитетомъ соціалъ-демократической рабочей партіи издана была слѣдующая прокламація:

„Россійская соціалъ-демократическая рабочая партія“.

„Плеве убитъ. Радостно вздохнетъ каждый обитатель обширной Руси, услыхавъ благую вѣсть. Наказанъ злодѣй, думаетъ всякій не потерявшій способность чувствовать. Наказанъ вѣшатель. Убитъ убійца рабочихъ. Убитъ жестокій представитель кровожаднаго Самодержавія. Плеве нѣтъ. Отрублена у гидры одна голова, но есть еще девяносто девять. Головы новыхъ защитниковъ Самодержавія растутъ изъ гнилого болота и обывательской тупости, изъ тины темноты и невѣжества“.

„Плеве убитъ, но система жива, и новый Плеве скоро,

быть можетъ завтра, проявитъ свою жестокость, свое звѣрство къ защитѣ самодержавія".

„Какъ мѣсто Бобрикова занялъ Оболенскій, такъ и мѣсто Плеве займетъ новый злодѣй".

„Скоро, очень скоро почувствуютъ подданные Николая II, что миражъ прошелъ, что опять дышать тяжело, что ничего съ убійствомъ Плеве не измѣнилось. И не измѣнится потому, что Самодержавный порядокъ не убитъ, и убить его отдѣльными террористическими актами нельзя. Революція, возстаніе народа, возстаніе рабочей массы, только это одно въ силахъ снести Самодержавіе. Поэтому еще и еще разъ говоримъ: организуйтесь рабочіе городовъ и деревень, организуйтесь для борьбы съ Самодержавіемъ, для борьбы со всѣмъ капиталистическимъ строемъ! Чаша страданій переполнена. Часъ расплаты близокъ".

„Быстрыми шагами идемъ мы къ народной революціи".

„Да здравствуетъ революція!"

„Да здравствуетъ демократическая республика!"

„Да здравствуетъ Россійская соціалъ-демократическая партія!"

„Петербургскій комитетъ".

20-го іюля вечеромъ убійца Плеве, сдѣлалъ признаніе, что въ убійствѣ вмѣстѣ съ нимъ участвовали Сикорскій, задержанный яличникомъ на Невѣ, а также нѣкто кіевскій помощникъ присяжнаго повѣреннаго Николай Ильинъ Бронштейнъ; Сикорскій будто бы имѣлъ метательный снарядъ совершенно такого же устройства, какъ снарядъ, которымъ убитъ Плеве, а также снарядъ имѣвшійся у Покотилова, убитаго взрывомъ этого снаряда въ ночь на 1-е апрѣля въ Сѣверной гостинницѣ. Сикорскій находился на мѣстѣ преступленія и долженъ былъ бросить свой снарядъ въ карету Плеве, въ случаѣ если-бы первый снарядъ не

достигъ своей цѣли. Бронштейнъ учавствовалъ въ приготовленіи къ убійству, задуманному кружкомъ боевой организаціи соціалистовъ-революціонеровъ, во главѣ котораго стоитъ Брешко-Брешковская. Относительно своей личности убійца ничего не сообщалъ.

Убійца отказываясь продолжительное время отъ какой бы ни было пищи и находясь въ особенно нервновозбужденномъ состояніи, на вопросы фельдшера постоянно при немъ находившагося, далъ слѣдующія отвѣты, способствовавшія къ обнаруженію его личности:

Фельдш. Дѣло что то плохо. Я сейчасъ въ коридорѣ слышалъ, что васъ узнали... вѣдь вы видѣли что во время перевязки присутствовали постороннія лица вотъ между ними былъ одинъ изъ Уфы и призналъ васъ. Онъ говоритъ, что вы сынъ уфимскаго купца Сазонова. Правда это?

Убійца (тихо) Правда... узнали... а его спеціально изъ Уфы вызвали?

Фельдш. Нѣтъ, эта личность была случайно... ваша пѣсня спѣта.

Убійца. Да жаль... я желалъ бы чтобы время прошло больше, а то еще рано...

Фельдш. Узнали таки.

Убійца. Да узнали. Рожи.

Фельдш. Я слышалъ, что васъ зовутъ Егоръ?

Убійца. Вѣрно.

Фельдш. Слышалъ также, что арестовали вашего брата Изота.

Убійца. Ахъ, это большое несчастіе.

Фельдш. За что его арестовали?

Убійца. За нимъ нѣтъ никакого грѣха, но его преслѣдуетъ полиція уже года два... вѣроятно изъ за меня. Полиціи онъ хорошо извѣстенъ.

Фельдш. А онъ похожъ на васъ?

Убійца. Нѣтъ.

Убійца очень волнуется.

Фельдш. Да не волнуйтесь такъ... что же дѣлать. Я вамъ дамъ валеріановыя капли. Хотите?

Убійца. Не хочу... теперь все равно.

Такимъ образомъ установлена была личность совершившаго преступленіе, оказавшагося сыномъ купца, бывшимъ студентомъ Императорскаго Московскаго университета Игоремъ Сергѣевымъ Сазоновымъ.

Снарядъ брошенный Сикорскимъ въ Неву, а затѣмъ найденный, по изслѣдованію эксперта заслуженнаго профессора генералъ-маіора А. Г. Забудскаго былъ наполненъ $5^3/_4$ фунта динамита, смѣшаннаго съ питроглицериномъ и углекислою магнезіею. Для воспламененія его устроены двѣ денаторныя трубки, расположенныя крестообразно, такимъ образомъ, что бомба должна взорваться при паденіи во всякомъ положеніи, такъ какъ стеклянныя трубки, заключавшія въ себѣ сѣрную кислоту, были снабжены свинцовыми грузиками для перелома трубокъ при паденіи. Въ снарядѣ, взорвавшемся въ Сѣверной гостинницѣ была помѣщена одна трубка, такой же системы, но количество динамита было значительно менѣе—$1^1/_2$ фунта.

Къ характеристикѣ Сазонова собраны были слѣдующія свѣдѣнія изъ его жизни: родившись въ раскольничьемъ семействѣ онъ началъ учиться грамотѣ 7 лѣтъ у раскольничьей начетчицы по псалтирю, потомъ въ приходской школѣ, съ 8-ми лѣтъ въ Уфимской гимназіи и наконецъ въ Московскомъ университетѣ. Въ 1902 г. въ г. Уфѣ подвергся обыску, при чемъ у него была найдена запрещенная литература: программа „Уральскаго союза соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ“, пароли для конспиративныхъ сношеній, шифръ для тайной переписки съ заграничною „Лигой революціонной соціалъ-демократіи“, адреса лицъ и проч., и опъ былъ заключенъ подъ стражу. Проси-

дѣвъ 1½ года въ одиночномъ заключеніи былъ высланъ въ Восточную Сибирь на 5 лѣтъ. Во время слѣдованія въ ссылку въ партіи ссыльныхъ изъ 20 человѣкъ подъ конвоемъ 18 солдатъ, 2 жандармовъ, отъѣхавъ часа три отъ Александровской тюрьмы, остановились въ деревнѣ на постояломъ дворѣ напиться чаю. Тутъ Сазоновъ перелѣзъ черезъ заборъ и бѣжалъ. Изъ Сибири пробрался къ Австрійской границѣ. Ночью въ компаніи контрабандистовъ прошелъ границу. Затѣмъ долго путешествовалъ по Европѣ и вернулся въ Россію съ чужимъ паспортомъ.

Купеческій сынъ, бывшій студентъ Московскаго университета Егоръ Сазоновъ, обвиняемый по 1 и 2 ч. 102 и 100 ст. угол. улож. и 2 ч. 13 и 1 ч. 1453, 1458, 9 и 1458 ст. Улож. о Наказ. и Кишинскій мѣщанинъ Шимель-Лейба Вульфовъ Сикорскій, обвиняемый по 1 и 2 ч. 102 и 100 ст. Угол. Улож. и 2 ч. 13 и 1 ч. 1453, ст. Улож. о Наказ. преданы были суду Особаго присутствія С.-Петербугской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей въ г. С.-Петербургѣ. въ закрытомъ судебномъ засѣданіи.

Засѣданіе Палаты открыто было въ 11 час. 5 мин. 30 ноября 1904 г. Подсудимый Сазоновъ на вопросъ о томъ признаетъ ли онъ себя виновнымъ, въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ, отвѣтилъ утвердительно, заявивъ что „имѣлъ честь“ принадлежать къ боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ и что, рѣшаясь на убійство Министра Плеве, онъ имѣлъ въ виду, что неминуемо долженъ пострадать кучеръ Филипповъ, но не ожидалъ, что пострадаютъ и другія лица.

Подсудимый Сикорскій призналъ себя виновнымъ въ обоихъ приписываемыхъ ему обвиненіяхъ, но отказался дать какія-либо объясненія.

Сазоновъ объяснилъ слѣдующее: „Боевая организа-

ція не представляетъ автономнаго общества со своими цѣлями; это часть партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Цѣли этой партіи обширны и враждебны всякому насилію. Идеалъ партіи по существу мирный. Партія поддерживаетъ интересы трудящейся массы, изучаетъ народную нужду и находитъ, что эксплоатація одного класса другимъ не должна имѣть мѣсто и что средства производства (фабрики, машины, заводы) должны находиться въ рукахъ всего общества и подъ его контролемъ".

„Цѣль партіи научить народъ пріемамъ разумной борьбы за свои интересы. Партія всегда удерживала рабочихъ и крестьянъ отъ актовъ насилія (аграрныя убійства и т. п.). Насилія происходятъ потому, что рабочіе и крестьяне преслѣдуются, а эксплоататоры находятся подъ защитою закона. Партія безразлично относится ко всякимъ формамъ государственности, ибо когда будутъ достигнуты идеалы партіи, то прекратятся войны, всѣ будутъ равны, будутъ братья и настанутъ тишина и миръ и на землѣ благоволеніе. Соціалисты всего міра составляютъ одну семью, но заграничные соціалисты находятся въ другихъ условіяхъ. Русскіе соціалисты раньше не выходили изъ узкихъ рамокъ своихъ задачъ и не виноваты, что стали революціонерами. Они убѣдились что Россіи невозможна свобода слова и убѣжденій. Русское общественное мнѣніе подавляется запрещеніями газетъ, запрещеніями ораторамъ земскихъ собраній говорить. (Губернскіе и уѣздные комитеты являются исключеніемъ, гдѣ ораторы успѣли открыто высказаться противъ государственной политики)".

„Партія соціалистовъ-революціонеровъ проповѣдуетъ, что Русское правительство идетъ противъ интересовъ народа, почему надо добиваться права свободно говорить, права союзовъ и собраній, участія въ обсужденіи

законовъ, контроля въ государственномъ хозяйствѣ. Между тѣмъ въ Россіи за слово сажаютъ въ тюрьму, ссылаютъ и даже наборщики узпаютъ тайны Сибирской тундры. Простое чтеніе нелегальныхъ брошюръ приравнивается къ государственнымъ преступленіямъ. Насъ бьютъ нагайками, топчутъ конями и подвергаютъ всякимъ унизительнымъ наказаніямъ, объявляя насъ врагами народа".

„Напрасно приписываютъ партіи цѣль переустройства общества на началахъ соціализма: это не дѣло серьезной партіи. Когда осуществится нашъ идеалъ, къ тому времени сотрется и самое названіе Россійской Имперіи. Партія нынѣ борется лишь за соціальныя реформы въ пользу народа. О соціальной революціи пока не можетъ быть и рѣчи, это вопросъ будущаго".

„Изъ исторіи мы знаемъ, что революція не всегда бываетъ дѣломъ народа и что всѣ реформы Александра II въ сущности революція (земская реформа, судебная, городская, печать), и можетъ быть теперь соціалистовъ не существовало бы, если бы Александръ II шелъ далѣе по тому же пути. Но онъ испугался, повернулъ назадъ и съ того времени исторія Россіи остановилась".

„Мѣ не пророки и не лжепророки и не предрекаемъ какъ произойдетъ переворотъ; можетъ быть онъ произойдетъ сверху. Мы лишь проповѣдуемъ, что существующій режимъ отжилъ свой вѣкъ. Народъ выросъ, пора дать ему думать и дѣйствовать какъ онъ хочетъ. Вотъ что мы проповѣдуемъ и только проповѣдуемъ, привлекая къ народу общественное мнѣніе и образованные классы и если за насъ будетъ большинство или хотя то меньшинство, которое составляетъ гордость народа, то мы будемъ оправданы судомъ исторіи. За послѣдствія мы не ручаемся, если несмотря на образо-

вавшееся общественное мнѣніе, правительство будетъ упорствовать".

„Террористическія акты партіи являются нарушеніемъ правильнаго теченія жизни партіи. Въ своихъ изданіяхъ партія говоритъ, что насиліе ея является рефлекторнымъ актомъ на насиліе правительства, что она берется за оружіе только тогда, когда другіе пріемы исчерпаны. Все что совершила боевая организація учинено ею въ видѣ возмездія за извѣстные поступки „того или иного господина", а не въ видѣ борьбы съ цѣлымъ режимомъ, иначе задачи партіи были бы иныя—иначе уничтожили бы Царя.— Партія Народной Воли наша духовная мать".

„Но условія ея дѣятельности были иныя чѣмъ наши. Народовольцы, эти народные титаны начали дѣйствовать сейчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, когда народъ былъ еще теменъ и не былъ готовъ для борьбы. Потому они обратились къ борьбѣ съ правительствомъ и рѣшились поднести народу свободу въ качествѣ подарка".

„Теперь условія иныя: у народа разсѣялись иллюзіи о Царѣ, народъ сталъ читать, самостоятельно думать, и можетъ и хочетъ самостоятельно дѣйствовать. Мы думаемъ, что народъ такъ или иначе, мирнымъ или не мирнымъ путемъ, побѣдитъ правительственную систему. Мы взялись за оружіе, такъ какъ насъ преслѣдовали какъ звѣрей, и мы оскалили зубы. Терроръ за терроръ правительственныхъ чиновниковъ. За смерть мы платимъ смертію, за рану раной, мы привлекаемъ къ революціонному суду виновниковъ противъ народнаго права".

„Боевая организація это наша армія, которая призывается на службу, когда сдѣлано нападеніе въ родѣ Японскаго; партія только защищается. Бросая бомбу,

я не думалъ, что поражу образъ правленія, а дѣйствовалъ противъ опредѣленной личности".

„Я убилъ Плеве за то, что онъ прибѣгалъ къ насилію. Партія приговорила его къ смерти за то, что онъ въ бытность Директоромъ Департамента Полиціи задушилъ партію Народной Воли; за то, что ставъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, заливалъ кровью Русскую землю, приказывая разстрѣливать рабочихъ и не наказывалъ губернаторовъ, такъ поступавшихъ, за то что онъ подвергалъ личность Русскаго гражданина и членовъ партіи величайшимъ униженіямъ". (Тутъ подсудимый былъ остановленъ Предсѣдателемъ).

„Убійство совершено при участіи боевой организаціи, но отдѣльные члены ея, зная ее программу, не знаютъ средствъ, находящихся въ распоряженіи этой организаціи, и я не зналъ что она владѣетъ взрывчатами снарядами". Про участіе въ убійствѣ Плеве Сикорскаго, Сазоновъ говорить отказался".

„Онъ выбралъ мѣсто для убійства сравнительно пустынное, у Варшавскаго моста, гдѣ находился только агентъ полиціи, чтобы избѣгнуть напрасно кровопролитія. Когда карета Министра приблизилась, онъ бросился на перерѣзъ навстрѣчу и черезъ открытое окно кареты увидѣлъ Министра, который упорно на него посмотрѣлъ. Находясь шагахъ въ 8-ми отъ кареты, онъ бросилъ бомбу и вслѣдъ за тѣмъ потерялъ сознаніе. Очнувшись онъ увидѣлъ генеральское пальто на мостовой и крикнулъ „да здравствуетъ боевая организація".

„Слова эти произнесъ, такъ какъ опасался что скоро умретъ. Онъ хотѣлъ вынуть револьверъ изъ кармана, чтобы убить себя, но рука его оказалась парализованной. Въ это время подошелъ къ нему полицейскій офицеръ и обругавъ сукинымъ сыномъ толкнулъ ногой, сказавъ: „вотъ подлецъ, чуть меня не убилъ". Затѣмъ его били,

плевали въ лицо, и онъ жалѣетъ, что не могъ револьверомъ отвѣтить за оскорбленіе".

За тѣмъ слѣдовалъ допросъ свидѣтелей: 1) Гартмана, 2) Смирнова, 3) Перепелицина, удостовѣрившихъ, что никакихъ агентурныхъ свѣдѣній о готовившемся покушеніи на Министра у нихъ не было и никакихъ особыхъ распоряженій по сему поводу они не получали. Допрошены были также жандармскій унтеръ офицеръ и свидѣтели Кондратьевъ—лодочникъ, Завѣринъ—извозчикъ везшій Сикорскаго.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Корабчевскаго, защитника Сазонова: „Я принялъ защиту въ виду того, что къ своему удивленію увидѣлъ въ обвинительномъ актѣ 100-ю ст. Уложенія. Прокуроръ разъяснилъ мое недоразумѣніе по этому поводу. Но не можетъ быть рѣчи и о примѣненіи 102 ст. Каждый Министръ и Губернаторъ только отпрыскъ Самодержавія и слуга Царя, а не объектъ, неприкосновенность котораго ограждаетъ 102 статья. Между тѣмъ по отношенію къ Царю соціалъ-революціонная партія сказала свое veto. У насъ, гдѣ все зиждется на волѣ Самодержца, весь вопросъ при убійствѣ Министра сведется лишь къ тому, кого Царь изберетъ его преемникомъ, о государственномъ же переворотѣ никто и не помышляетъ. Не по поводу идеаловъ партіи можно спорить, а по поводу средствъ борьбы. Бунтъ рабочихъ, бунтъ народа—все что вноситъ оттѣнокъ смуты, опасны только съ полицейской точки зрѣнія. Если бы у насъ была свободная печать и партіи разрѣшили бы имѣть свой журналъ гдѣ бы она могла доказывать свои положенія и опровергать... (Тутъ защитникъ былъ остановленъ предсѣдателемъ). Подсудимому Сазонову нельзя отказать въ мужествѣ: идя на убійство онъ заранѣе разсчитывалъ поплатиться своей молодой жизнью и еслибы ему дали покончить съ собой, то его судило бы небо, а не судъ человѣче-

скій. Онъ не видѣлъ другого способа успѣшнаго исполненія задуманнаго, такъ какъ зналъ, какая охрана окружала покойнаго Министра. Есть положенія и субъективныя и объективныя, до извѣстной степени оправдывающія такіе поступки. Историческіе примѣры (Шарлота Корде и др.). Сазоновъ не показной герой не бравирующій. Это хотя и фанатикъ, но человѣкъ съ семейными наклонностями (вспомните письма къ родителямъ). Въ апрѣлѣ 1902 года онъ былъ подвергнутъ административной высылкѣ на 5 лѣтъ. Не будемъ закрывать глаза на то какъ ссылаются у насъ по этапамъ государственные преступники. Столбцы газетъ теперь полны списковъ лицъ, возвращенныхъ изъ ссылки, куда они были отправлены по распоряженію покойнаго Министра фонъ-Плеве. (Тутъ защитникъ вторично былъ остановленъ предсѣдателемъ). Печать при немъ не смѣла говорить. Всѣ свои свѣдѣнія подсудимый черпалъ исключительно изъ заграничной нелегальной литературы. Получился кошмаръ, и чтобы отдѣлаться отъ него онъ рѣшился на убійство. Когда онъ выходилъ убивать, онъ думалъ, что идетъ не на человѣка, а на какое то чудовище, что бомба его наполнена не динамитомъ, а слезами и страданіями всего Русскаго народа и что разрывается не бомба, а разрываются цѣпи, сковывающія свободу".

Рѣчь *присяжнаго повѣреннаго Казаринова, защитника Сикорскаго.* „Борьба за идеи возвышаетъ человѣка. Подсудимые разбили чашу жизни, когда она полная стояла передъ ними. Сикорскій—натура мрачная, загадочная, но все же человѣкъ. Сикорскій еврей. Что казалось бы ему до образа правленія въ Россіи. Идея выхватываетъ человѣка изъ круга семьи, изъ круга понятій. Идея какъ боги: имъ вѣрятъ, передъ ними преклоняются. Сикорскій родился въ бѣдной еврейской семьѣ въ Сѣверозападномъ краѣ въ 1883 г. Это годъ повсемѣстныхъ

еврейскихъ погромовъ. Молва приписывала эти погромы тогдашнему Директору Департамента Полиціи фонъ-Плеве. (Тутъ защитникъ остановленъ былъ предсѣдателемъ). Еврейское простонародье бѣдствовало и голодало. Отсюда безконечные разговоры о неравенствѣ. Все было окрашено въ оттѣнки недовольства и скорби. Молодежь протестовала и не покорялась, подобно старшимъ. Всякое недовольство стремится вылиться въ опредѣленныя нормы. Познакомившись съ ученіемъ соціалъ-революціонной партіи, онъ встрѣтился съ готовыми формами и даже съ готовымъ приговоромъ. Онъ вошелъ членомъ въ боевую организацію. Какъ болѣе самоотверженный онъ взялъ на себя боевую роль, но другой его предупредилъ. Его бомба не была болѣе нужна. Онъ стремился обезвредить эту бомбу, чтобы отъ нея не пострадали невинные. Онъ несетъ ее подальше и бросаетъ въ воду. Статья 100-я непримѣнима. Убійство Министра не измѣняетъ формы правленія, такъ какъ назначается новый Министръ и все идетъ по старому. Нѣтъ и 102 ст., а лишь 126 ст. Уговоръ подсудимыхъ былъ, но не между собой, а съ послявшей ихъ организаціей. Каждый дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно и за свой рискъ. Къ Сикорскому должна быть примѣнена 1457 ст. Улож. о Наказ.“

Подсудимый Сазоновъ въ послѣднемъ словѣ объяснилъ: „Я происхожу изъ семьи монархической и религіозно настроенной. Въ гимназіи насъ душили классическими науками; исторію преподавали, осмѣивая инородцевъ (поляковъ, финляндцевъ, армянъ, евреевъ). Были споры съ отцомъ, который требовалъ, чтобы я сдѣлалъ карьеру и сталъ инженеромъ, а мнѣ самое слово карьера было противно. Въ 1898 г. поступилъ въ Московскій университетъ, въ 1899 г. происходили студенческія волненія, но я не участвовалъ. Читалъ только „Московскія Вѣдомости“. Я остался на курсѣ,

чтобы не опережать товарищей; я былъ состоятельнѣе большинства ихъ. Начало моего участія въ революціонномъ движеніи относится къ 1901 году. Сильно подѣйствовала на меня сдача въ солдаты студентовъ С.-Петербургскаго университета и разстрѣляніе тѣхъ изъ нихъ, кто отказывался присягать, а также отлученіе отъ церкви Льва Толстого, сочиненія котораго я прочиталъ, но не нашелъ въ нихъ ничего такого, что заслуживало бы такія кары. Я принялъ участіе въ студенческихъ безпорядкахъ и изъ манежа попалъ въ Бутырскую тюрьму, гдѣ впервые услыхалъ смѣлое революціонное слово, такъ какъ туда свободно проникали революціонныя изданія. Я еще не былъ ни соціалистомъ, ни революціонеромъ, но меня сдѣлало таковымъ правительство. За участіе въ Уральскомъ союзѣ я былъ арестованъ въ апрѣлѣ 1902 г. и просидѣлъ въ тюрьмѣ 1½ года, затѣмъ былъ приговоренъ къ пятилѣтней высылкѣ. Во время обыска жандармы ломали мои руки, такъ какъ я хотѣлъ уничтожить нѣкоторыя бумаги. На моихъ глазахъ въ Уфимской тюрьмѣ совершались насилія надъ заключенными и жалобы, приносимыя даже прокурору, ни къ чему не приводили. Самъ губернаторъ явился ко мнѣ въ тюрьму во время голодовки и говорилъ, что жизнь одного человѣка ничто въ сравненіи съ спокойствіемъ государства. Меня перевели въ Самарскую тюрьму, гдѣ ежедневно приходили цѣлыя партіи политическихъ ссыльныхъ. Меня возмутили событія въ Кишиневѣ, Златоустѣ, Вильнѣ, особенно златоустовскія, гдѣ 28 человѣкъ разстрѣляны по приказанію кого-же: маленькаго, тщедушнаго гражданскаго Губернатора. Я почувствовалъ величайшее удовлетвореніе, когда узналъ объ убійствѣ Богдановича, и если бы я былъ на волѣ, то Богдановичъ палъ бы отъ моей руки. Изъ тюрьмы я вышелъ рѣшительнымъ соціалистомъ-революціонеромъ, Меня преслѣдовали кровавыя тѣни жертвъ Кишинева.